

К. Г. Мальцев, А. В. Мальцева

Белгородский технологический университет
им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация

Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера

«Цифровизация» как лозунг и как идеология/программа практически всех областей обществознания остается «модным словом», в качестве которого «самоочевидно» и не предполагает познания как поиска и истолкования смысла (аналогично другим «модным словечкам», по утверждению З. Баумана [1]); философское истолкование, таким образом, представляется желательным просто для «обеспечения осмысленного говорения»: первым (и пока единственным) опытом здесь является истолкование смысла цифровизации в «бытийно-историческом мышлении» М. Хайдеггером. Целью статьи является выявление перспектив и контекстов, в которые Хайдеггер помещает «цифровизацию» для определения ее «сущности»: современность как господство массовости и гигантизма, то есть количества; истина как достоверность и успех как критерий «истины»; субъект как «историографическое животное»; расчет как «перспективно-планирующее» научное знание, заменившее мышление и сделавшее «ненужной» философию, – перспективы, в которых цифровизация получает у Хайдеггера философское истолкование. Идея техники («постав») как принцип современности предполагает действительность как «налично данное» и «предоставленное в распоряжение» субъекту в «удостоверяющем представлении», целью и осуществлением действительности которого называется «окончательное встраивание в машину», то есть «искусственный интеллект» как «сущностное тождество» субъекта и машины. Проектирование и планирование как «обеспечение массовости» и «самоудостоверения» «окончательно встроившегося в машину новоевропейского субъекта» есть по сути то, что называется «цифровизацией», и что необходимо заменяет мышление в перспективе «гарантирования окончательного господства» «последнего человека», достигаемого в политической деятельности. На основе изучения хайдеггеровского истолкования цифровизации в статье делается вывод: отсутствие возможности для «области решения» означает бесконечное дление современности; властная гарантия обеспечивает политику и программу цифровизации как инновационный «способ самообеспечения» современности как «бесконечной длительности».

Ключевые слова: цифровизация, количество, современность, техника, субъект, «историографическое животное».

K. G. Maltsev, A.V. Maltseva

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation

Digitalization and “Digital Fetishism”: Foresight in the Historical Thinking of M. Heidegger

“Digitalization” as a slogan and as an ideology / program of practically all areas of social science remains a “buzzword” which is “self-evident” and does not imply cognition as a search and interpretation of meaning (similar to other “buzzwords”, according to Z. Bauman); philosophical interpretation, therefore, seems desirable simply to “ensure meaningful speaking”: the first (and so far the only) experience here is the interpretation of the meaning of digitalization in “existential-historical thinking” by M. Heidegger. The purpose of the article is to identify the perspectives and contexts in which Heidegger places “digitalization” to define its “essence”: modernity as the dominance of mass and gigantism, that is, quantity; truth as certainty and success as the criterion of “truth”; the subject as a “historiographic animal”; calculation as a “prospective planning” scientific knowledge that replaced thinking and made philosophy “unnecessary” – are called perspectives in which digitalization receives a philosophical interpretation from Heidegger. The idea of technology (posture) as a principle of modernity presupposes reality as “given in hand” and “provided at the disposal” of the subject in a “certifying representation”, the purpose and realization of reality which is called “final integration into the machine”, that is, “artificial intelligence” as “essential identity “of the subject and the machine. Designing and planning as “ensuring mass character” and “self-certification” of “the new European subject that has finally integrated into the machine” is essentially what is called “digitalization” and that must replace thinking in the perspective of “guaranteeing the final domination” of the “last person” achieved in political activities. Based on the study of Heidegger’s interpretation of digitalization, the article concludes: the lack of opportunity for a “solution area” means the endless duration of modernity; the imperious guarantee secures the policy and program of digitalization as an innovative “self-sustainment” of modernity as an “endless duration”.

Keywords: digitalization, quantity, modernity, technology, subject, “historiographic animal”.

Введение. «Цифровизация» – новый модный лозунг и программа «современности»; с ней в экономике, образовании (отчасти даже в науке) связываются «надежды» на «успехи» и «гарантии» будущее-

го «процветания». И, пожалуй, самое главное, что привлекает в этом лозунге, – его явная «инновационность»: «современность» просто не может обойтись без инноваций, инновации есть способ, которым она «длится». Впрочем, высказываются и «опасения»: в работе С. Жижика [2], изданной в 2020 г., примечательно в этом отношении уже оглавление: «полицейское государство» (как «месть» Фихте Гегелю); «проводной мозг», «цифровой апокалипсис»; «либидинальная экономика сингулярности» – выражения, использованные Жижиком для «разбивки» своего рассуждения о «Гегеле в цифровом сознании» могут показаться «симптоматичными». Но еще более «симптоматично» *умолчание* о том обстоятельстве, что *первым* само слово «цифровизация» употребил М. Хайдеггер – для *сущностной* характеристики современности и «последнего человека» («историографического животного»): «В какой вид опьянения растущая мания цифр (Zahlen-Rausch) выродится в конечном счете?» [3, с. 284]; он это сделал еще в 30-е годы XX века. Хайдеггер *знал*, что такое «цифровизация», и предвидел ее *необходимость*. Что именно знал о цифровизации Хайдеггер и каким образом это знание можно соотнести с современными представлениями, которые *представляет* лозунг и программа, – вопросы, предварительная попытка сориентироваться в которых является задачей этой статьи: здесь следует ограничиться лишь «инвентаризацией» основных, обнаруживаемых *непосредственно*, направлений, в которых можно искать развернутые ответы на заданные вопросы: «вопрос должен быть поставлен», как часто напоминает Хайдеггер.

Методы исследования, теоретическая база. «Мания цифр» рассматривается Хайдеггером в связи с: «гигантизмом», «господством массовости», «успехом» как «критерием истинности» («дельности»); «историографическим человеком» как сущим посреди прочего «сущего», «оставленного бытием», *субъектом* новоевропейской метафизики; техникой как *принципом*, определяющим «современность», машиной и производством, в том числе культурным производством; *политикой*, поскольку в современности все (неисключая науки, культуры и самого человека), все становится политическим, «определяется властью», – то есть «мания цифр» есть одно из проявлений «сущности современности». К исключительной компетенции философии относится «проведение границ» в сущем и в знании о сущем, которое, таким образом, представляется как предмет научного исследования. Философское

истолкование позволяет *видеть* «поверх границ», непреступаемых дисциплинарно структурированными «позитивными науками» (споры о междисциплинарности, почти всегда вырождающейся в многодисциплинарность, даже если имеют смысл, то всегда только в связи с «привлечением» философии как «объемлющей» и дающей возможность искомой междисциплинарности осуществиться). Хайдеггер утверждает, что «современная философия» как «антропология», мировоззрение или схоластика, почти уже не имеют отношения к тому, что *есть* философия как «бытийно-историческое мышление». Таким образом, помещение «цифровизации» в указанные перспективы имеет целью ее *понимание*, то есть философское истолкование, и, следовательно, не только может, но и необходимо будет *проигнорировано* современной, то есть ставшей политической, наукой: «Простейшее философское познание в эпоху заверченного Нового времени – это знание, что и почему философия должна была сделаться невозможной и для этой эпохи остается ненужной» [4, с. 431]; это, кстати, наряду с идеологической ангажированностью, объясняет последовательное «забвение» Хайдеггера, особенно в случаях, когда речь идет о «наисовременнейших инновациях» и модных «лозунгах».

Результаты исследования и их обсуждение. Исходное утверждение Хайдеггера, относительно которого должно выстраиваться наше рассуждение, следующее: «Новоевропейский человек нацеливает сохранение своей сущности на то, чтобы однажды стать частью машины и на службе по обеспечению целесообразности и расчета ее работы обрести свою дающуюся без труда безопасность, свои побуждения и свою похоть. Это внедрение в машинную сущность – нечто существенно иное, чем простое использование «технических» возможностей; здесь происходит крайнее уподобление сущности человека расчетливости (*Rechenhaftigkeit*) сущего. Именно с помощью всего этого дух (т.е. рассудочность и расчетливость животности) и приходит к своей высшей власти; господство машинной сущности не является ни «рационализмом», ни «материализмом» – ни опустошением пустого разума и освящением простого материала» [4, с. 416]. Притом, в «этом уподоблении машинной сущности происходит высвобождение в сущее, которое больше не нуждается в «образах» для некоего «смысла», – поскольку наглядность развернулась в исчисляемость и в ней постоянно присутствует, поскольку

«смысл» в продолжающейся планомерности укрепился до своеобразной подвижности» [4, с. 416]. Прежде всего это означает, что «сущее замыкается в себе», посюсторонность и невозможность «символического», а значит и «смысла»; перспективное просчитывание налично данного в представлении субъекта, «достоверность» как истина, опора на «самоуверенность» и нацеленная на максимальное укрепление этой деятельности – область существования человека как субъекта: «Новоевропейский человек более не нуждается в символах-смыслообразах (Sinnbild) не потому, что он отрицает смысл, а потому, что овладевает им как уполномочиванием самого человека стать рассчитывающим центром всех устройств любой махины для сущего в целом» [4, с. 416]; и: «Новоевропейский человек более не нуждается в символе, поскольку наглядное и зримое он полностью подчинил власти своего установления всего осуществимого (и нигде невозможного). Символ возможен и необходим только там, где метафизика ставит бытие над сущим и через последнее должна изображать первое; но лишь только, как в эпоху завершения метафизики, само сущее захватывает все бытие и знает только сущее в его представленности и установленности, где «действительное» и «жизненное», «дело» и успех составляют «истинное», исчезает всякая возможность и необходимость символа» [4, с. 416–417]. Это – сущность «современности» и «тот, кто в Новом времени – т.е. на пути историографического пересчета (Nachrechnung) и подражания – снова захотел бы его ввести, имитирует плоское глубокомыслие и не понимает как раз подлинную сущностную глубину собственной эпохи» [4, с. 417].

Суть «исчисления» нельзя сводить к «цифре»: «Устанавливающая фиксирующая процедура всякой теории действительного есть исчисление. Конечно, не надо понимать такое «исчисление» в узком смысле цифровых операций. Исчислять – в широком сущностном смысле – значит брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т.е. ждать от него результата» [5, с. 246]. С этой точки зрения «всякое опредмечивание действительного есть исчисление, все равно, прослеживается ли тут путем каузальных объяснений вытекание результатов из причин, составляется ли картина рассматриваемых предметов посредством их морфологического описания или фиксируется в своих основаниях та или иная системно-серийная взаимосвязь» [5, с. 246]. И в математике,

по Хайдеггеру, также важны не расчеты сами по себе: «Математика – это расчет тоже вовсе не в смысле числовых операций с целью установления количественных данных; она есть скорее такой расчет, который повсюду рассчитывает на взаимоприравниваемость системных соотношений с помощью уравнений и потому заранее «считается» с единым основополагающим уравнением для любой мыслимой системы» [5, с. 246]. Хайдеггер полагает, что начало «универсализации исчисления» было положено еще в «переводе» греческого мышления на латинский язык и «закреплено» в средневековой философии; как бы то ни было, но в новоевропейской философии, со времен Декарта и «появления субъекта», объекта (действительности в представлении субъекта) и перетолкование «истины» в «достоверность», современность получила свою «основу» (европейская история вообще, по Хайдеггеру, «метафизична» и ее «значение» укоренено в метафизике). Однако же, поскольку «в истории решает не то, что сбывается сначала, а то, что достигается последним и заключает в себе все прежнее и просвечивает через него. Это последнее только раскрывает начало, а значит, самого себя как его вторжение (Übergriff). Ибо подлинное начало устанавливает предел соответствующего ему конца и препятствует простой кончине» [6, с. 463], то именно в «цифре» полностью реализовалось указанное «начало»: «Только сейчас все цифровое достигает уровня, поражающего своей жуткостью, а именно ужасом пустоты и отсутствием решения» [6, с. 531]; под знанием сейчас явно понимают владение «цифрами» и «данными» [6, с. 181]; и, наконец: «Лишь весьма обширной, но тем не менее все более съезживающейся игрой с цифрами (Rechnenspiel) являются все гигантские планирования, посредством которых историографическое животное окончательно обустроится на земном шаре, – игрой с цифрами, в ходе которой все довольные (vergnüglichen) рабы и рабовладельцы будут впряжены в работу в самых разнообразных видах и станут трудиться в поте лица своего» [4, с. 233]. Собственно говоря, возможность «цифрового рабства», о которой много теперь говорят, есть *необходимость*, следующая из «сущности современности».

Субъект как «историографический человек» (или, по Хайдеггеру, «историографическое животное») по сути своей и современности – еще и раб; причем от «его решения» ничего не зависит просто потому, что и «у него», и в «современности» – отсутствует *возможность* и

место решения¹: это и есть определение «рабства». Определяющим для «встраивание человека в машину» является *понятие* техники. Хайдеггер пишет: «Техника не то же, что сущность техники» [7, с. 221]; «сущность техники вовсе не есть что-то техническое» [7, с. 221]. «*Постав*» (*идея техники*) есть «поставляющее раскрытие в наличное»; «это поставляющее раскрытие всего может осуществляться только в той мере, в какой человек со своей стороны заранее сам уже вовлечен в извлечение природных энергий. Если человек вовлечен в это, поставлен на это, то не принадлежит ли и человек – еще первоначальнее, чем природа – к состоящему-в-наличии? Привычность таких выражений, как «человеческий материал», как «личный состав» корабля или медицинского учреждения, говорит об этом» [7, с. 228], и «если, ища и созерцая, человек начинает исследовать природу как некую область своего представления, то, значит, он уже захвачен тем видом открытия потаенности, который заставляет его наступать на природу как на стоящий перед ним предмет исследования – до тех пор, пока и предмет тоже не исчезнет в беспредметности состоящего-в-наличии» [7, с. 228]. Так «поступает» субъект. Итак, еще раз: «Существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду, более или менее явно, делается состоящей-в-наличии» [7, с. 231]; и что же здесь человек? – «где мы окажемся, если сделаем теперь еще один шаг в осмыслении того, что такое постав сам себе? Он вовсе не нечто техническое, машинообразное. Он способ, каким действительное выходит из потаенности, становясь состоящим-в-наличии. Опять спросим: происходит ли это открытие потаенного где-то за пределами всякой человеческой деятельности? Нет. Но все же оно происходит не только в человеке и не главным образом через него. Постав есть собирающее начало того устанавливания, которое ставит человека на раскрытие действительности способом поставления его в качестве состоящего-в-наличии. Захваченный поставляющим производством, человек стоит внутри сущностной сферы постава» [7, с. 231]. Перечислять способы, посредством которых человек «встраивается в машину», нет необходимости; здесь важнейшее связано именно с тем, что называется «цифро-

¹ Тема про решение развивается нами в книге «Понятие политического и «мировой беспорядок»: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка» [8].

визацией»: «искусственный интеллект» и субъект по своей сути – *тождественны*¹.

Понятным, таким образом, становится и то, почему «последний человек» (которыми являемся все мы – «современные») есть «историографическое животное»: сущность техники и «историографии», по Хайдеггеру, есть «то же самое». Человек «всецело осознает себя «субъектом» и прежде всего так и действует» [4, с. 431]; человек как субъект мыслится как наличное в наличном; «новоевропейская сущность человека вошла в тот отрезок своей истории, который отдал эту сущность на произвол сущего» [4, с. 91]. В этой «истории» человек «развивается в историографическое животное» [4, с. 242]; сущность историографического познания и «мышления» в рассчитывании перспектив «прошлого и будущего», исходя из «интересов» современности, в расчете «пользы и вреда» [4, с. 345–346]; «разворачивание» сущности историографического человека, то есть «прежнего человека как историографического животного, означает возведение его сущности в само собой разумеющееся. Сущность, однако, есть устанавливающее представление сущего в его предметность. Крайнее следствие господства историографического человека возвещает о себе тогда, когда он начинает устанавливать свое собственное настоящее время (Gegen-wart) уже «историографически», иными словами: приготавливать как историю и управлять, заранее рассчитав, ее встраиванием в память и в традицию» [4, с. 330–331]; тогда «историографическое животное должно наконец прийти к расчету (Verrechnung) и оправданию своей животности и ее потребностей и инстинктов, а это означает: к взаимопроникновению историографически-технического и животного. Человек все больше и больше привыкает черпать свои целеполагания из обладания и удовлетворения. Отсутствие обладания представляется ему недостатком; и все, что требует отречения или даже устанавливает отношение к тому, от чего отказался, как сущностную основу человека, должно казаться ему неприемлемым и своего рода отрицанием «этой» (т. е. его) жизни» [4, с. 339–340].

Современность как безраздельно господствующая *массовость*, «величие как гигантское», то есть «царство количества» (Р. Генон [10]) или «порядок симулякров третьего уровня» (Ж. Бодрийяр

¹ Мы развиваем эту тему в статье «Искусственный интеллект как проблема философии: несколько замечаний к постановке вопроса в горизонте утверждений М. Хайдеггера о сущности новоевропейской науки» [9].

[11]), кодом которого является «чистое количество» – *деньги*, есть способ существования историографического человека. Хайдеггер видит «всюду напирющую вперед массовость и ее все более окостеневающее устройство» [6, с. 446]; «неудержимую массовую природу» [6, с. 501] новоевропейского человека; утверждает, что «когда Бытие препоручает все сущее (в его кажущемся бытии) ему самому, когда простое число и его подсчет берут верх, когда массы и их удовлетворение кладутся в основу всего «господства»» [6, с. 521]. В современности «всякое действие и планирование, всякое удовольствие и всякая приятность увязли в простом процессе расширения и обеспечения массовости» [4, с. 239]; повсеместно осуществляется «диктат несознательной массы, которая сегодняшнее считает вечным и делает его мерилom истории» [4, с. 464]. Историографическое животное, в силу своей животности, есть *стадо*, тоже ведь определяющееся количественно. Здесь нет места «великому», то есть всегда «единственному»; великое для историографического человека есть гигантское, то есть опять «количество»: «Мелкое, пустое, не имеющее решения, не-робеющее-ни-перед-чем принимает облик гигантского и определенности подсчитанного и обговоренного и таким образом фиксирует меру массы» [6, с. 521]. Гигантское есть «знак» завершения нового времени; Хайдеггер пишет (теперь мы полностью приводим это место его рассуждений): «гигантское – это не «количественный» показатель, а «качество», которое количественное как таковое, т.е. в его бес-конечности и без-мерности, абсолютно «квалифицирует» как «качественное» (Quale). Только сейчас все цифровое достигает уровня, поражающего своей жуткостью, а именно ужасом пустоты и отсутствием решения. Гигантское есть подлинный анти-бог великого. Вот почему гигантское также является единственной в своем роде формой исторического «величия» [6, с. 531]. Здесь – «место» «встроившегося в машину историографического животного»: «Если малое окончательно исчислит и укрепит предоставленный ему вид величины, гигантскость, во что превратится тогда человек. Ответ: в существо, которое все знает и умеет и это знание и умение полностью организует с безграничным самообладанием в такой степени, что от него больше не ускользнет ни наличное, ни прошедшее» [6, с. 534].

Главное, как мы сказали, в отсутствии возможности решения, в которой «объединяются» массовость и гигантскость: «Гигантское в человеческой массе – это не ее численность, но способ, каким она

за пределами привычного и повседневного в совместной жизни людей и человеческих групп подает в выгодном свете отсутствие решения как законодательную и решающую власть» [4, с. 242]: современность, таким образом, *длится бесконечно*¹, как гегелевская дурная бесконечность» – «чистое количество».

Наконец, политика: «Политическая деятельность, которая ведь сама по себе ничто, но всецело встроена в сущность новоевропейского человека и его истории, руководствуется своим законом, нацеливающим только на безудержное развитие в сторону разнузданного чистого расчета на раскачку масс в целом, – все ссылки на сохранение народной субстанции и тому подобного необходимы, но они всегда остаются только предлогом для неограниченного господства политического; ибо что это за цель – простое сохранение «народа» и его массовости, если «эта» жизнь не усматривается именно в сохранении и возрастании подвижности» [4, с. 274].

Заключение. Итак, «современная европейская эпоха является началом решающего периода Нового времени: развития его сущности в этом свойственном ей гигантизме и неизбежности всех областей сущего как устроений махинационной сути Бытия: началом самой длинной и продолжительной паузы европейской истории» [6, с. 528].

Хайдеггер пишет: «Ежедневно мы получаем сводки растущих гигантских цифровых данных о скоростях машин, о покрытых расстояниях, о преодоленных дистанциях, количестве посетителей кинотеатров и радиослушателей, – если бы мы когда-нибудь захотели подсчитать – что мы, к счастью, не умеем, – какое удаление от сущего и сущностной силы вещей происходит в закреплении и возрастании тех «потребностей» после возрастания до гигантских величин, какое опустошение сущего тут распространяется, – этот процесс – подготовленный за столетия, охватил все «культуры» и «цивилизации»; он сам движется к своему концу, да он сегодня – только еще, возможно, весьма долгое время длящееся, само себе все больше остающееся неведомым закреплению конечного состояния, которому, согласно его типу, предстоят еще большие «прогрессы»» [6, с. 491-492], впрочем, благодаря «продвижению цифровизации», компьютеру, «подсчитать» мы уже, кажется, можем, по крайней мере

¹ Любопытным образом это было «открыто» современными теоретиками глобализации, например У. Беком [12] – как «существенная черта» современности: «снятие времени» в бесконечном настоящем.

к этому стремимся: борьба за рейтинг. Полагается необходимым, чтобы человек «встроился» в этот поток «гигантских цифровых данных» как один из видов этих однородных «данных» – *это и есть цифровизация*.

Именно это и происходит – происходило еще сто лет назад, теперь только «отчетливее обнаружилось»: человек сегодня есть «то, чем он считается. А он считается тем, что подытоживает ответы на многие кружащие над ним формуляры, – человек есть результат гигантской, раскинувшейся над ним системы расчетов, – жертва картотеки» [6, с. 426]. «То, что не зафиксировано в правилах и не стоит в плане, не обладает действительностью. Вооруженный заранее таким новоевропейским мнением человек заходит весьма далеко, настолько, что однажды забывает вопрос: куда? Но человек идет вперед, и всё большие массы разделяют убеждение, что они продвигаются вперед; и наконец повсюду возникает только суета и недоверие и вооружение и принятие мер предосторожности и никто не знает, для чего, – но что-то происходит само собой и выглядит так, будто это и есть “жизнь”» [4, с. 275].

Хайдеггер не только *видел, описал и истолковал суть* цифровизации; он еще и указал на роль философии на этом «празднике»: «В той ситуации, когда все духовные цели исчезли, всякая воля к достижению цели ослабла, всякое мышление сделалось ненадежным и неясным, где все силы пребывают в сумятице и все уровни смешались и любая позиция кажется невозможной, – нельзя исходить непосредственно из какого-либо отдельного вопроса и целеполагания. В такой момент неизбежно осмысление положения в широчайшем и глубочайшем смысле – это может выглядеть как окончательные похороны, не-возможность-удержаться на ближайших мероприятиях и полях зрения, но одно это движение может дать основу для возросшей способности-к-остановке; что это за корень, который отмер и только торчит в земле, вместо того чтобы постоянно искать свою основу и все время заново промерять ее, все изначальнее захватывая вглубь – в темноту и непроходимость; только роя и углубляясь, он позволяет стволу достичь наибольшей высоты и быть готовым уверенно встретить бурю. Разумеется, не все есть для каждого – большинство, довольные или недовольные – всегда будут, однако, спокойно сидеть на ветвях, не ощущая соков, которые каждый миг поднимаются вверх по стволу благодаря корневому движению и беспокойству глубины» [6, с. 291], – следует

ожидать «академической реформы философии», ее повсеместной и обязательной «цифровизации».

Библиографический список

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
2. Žižek Slavoj. *Hegel in A Wired Brain*. Bloomsbury Academic, 2020. 240 p.
3. Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 344 с.
4. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
5. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 238–253.
6. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
8. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л., Алавердян А. Л. Понятие политического и «мировой беспорядок»: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка. Белгород: Изд-во БГТУ им. В. Г. Шухова, 2020. Кн. 1. 727 с.
9. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Искусственный интеллект как проблема философии: несколько замечаний к постановке вопроса в горизонте утверждений М. Хайдеггера о сущности новоевропейской науки // Философские и социально-экономические проблемы исследования инновационных технологий и искусственного интеллекта : сборник научных статей. Белгород: Изд-во БГТУ, 2020. С. 193–201.
10. Генон Р. Царство количества и замения времени. М.: Беловодье, 1994. 304 с.
11. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2006. 389 с.
12. Бек У. Что такое глобализация. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

References

1. Bauman Z. *Globalizaciya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization: The Human Consequences]. Moscow, Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2004, 188 p. (In Russ.).
2. Žižek Slavoj. *Hegel in A Wired Brain*. Bloomsbury Academic, 2020. 240 p.
3. Haidegger M. *Razmyshleniya XII–XV (Chernye tetradi 1939–1941)* [Ponderings XII–XV Black Notebooks 1939–1941], Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2020. 344 p. (In Russ.).

4. Xaïdegger M. *Razmyshleniya VII–XI (Cpernye tetradi 1938–1939)* [Ponderings VII–XI Black Notebooks 19318–1939], Moscow, Izd-vo Instituta Gaïdara, 2018. 528 з. (In Russ.).
5. Hajdegger M. *Nauka i osmyslenie* [Science and comprehension]. Martin Hajdegger. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 238–253. (In Russ.).
6. Xaïdegger M. *Razmyshleniya II–VI (Chernye tetradi 1931–1938)* [Ponderings II–VI Black Notebooks 1931–1938], Moscow, Izd-vo Instituta Gaïdara, 2016. 584 p. (In Russ.).
7. Hajdegger M. *Vopros o tekhnike* [Question about technology]. *Martin Hajdegger. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 221–238. (In Russ.).
8. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V., Lomako L. L. Alaverdĭan A. L. *Poniatiie politicheskogo i «mirovoiĭ besporiĭadok»: perspektivy soglasiĭa, voĭny i global'nogo imperskogo poriĭadka* [The concept of political and «world disorder»: perspectives of harmony, war and global imperial order] Belgorod: BGTU im. V. G. Shuhova Press, 2020. Vol. 1. 727 p. (In Russ.).
9. Mal'cev K. G., Lomako L. L. Artificial Intelligence as a Problem of Philosophy: Several Remarks on the Formulation of the Question in the Horizon of M. Heidegger's Statements about the Essence of New European Science. *Filosofskie i social'no-ekonomicheskie problemy issledovaniya innovacionnyh tekhnologij i iskusstvennogo intellekta: Sbornik nauchnyh statej* [Philosophical and Socio-Economic Problems of Research on Innovative Technologies and Artificial Intelligence: Collection of Scientific Articles]. Belgorod, BGTU Press, 2020, pp. 193–201. (In Russ.).
10. Genon R. *Carstvo kolichestva i zameniia vremeni* [The Reign of Quantity and the Signs of the Times]. Moscow, Belovod'e Publ., 1994. 304 p. (In Russ.).
11. Bodriyyar Zh. *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow, Dobrosvet Publ., KDU, 2006 389 з. (In Russ.).
12. Bek U. *Chto takoe globalizaciya* [What is globalization]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2001. 304 p. (In Russ.).